УДК 323.1
ББК 66.094

Д.В. Ведяйкин

ОБЩИНА ДИАСПОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

D.V. Vedyaykin
The Community of Diaspora as an Element of Regional Ethno-Political System

Characteristics of a community of Diaspora as a key element of regional ethno-political structure are considered. The structure of a community of ethnic migratory community is analyzed, and its basic qualitative characteristics outlining strategies of interaction between migrants and the state are shown.

Key words and word-combinations: ethno-political system of a region, migration, institutionalization of ethnicity, ethnic migratory communities.

Рассматриваются характеристики общины диаспоры как ключевого элемента этнополитической структуры региона. Анализируется структура общины этнического миграционного сообщества; показаны ее основные качественные характеристики, обусловливающие стратегии взаимодействия мигрантов с государством.

Ключевые слова и словосочетания: этнополитическая система региона, миграция, институционализация этничности, этнические миграционные сообщества.

Глобализация, возрастающие потоки миграционных перемещений, высокая прозрачность границ, безвизовый режим, географическая близость, относительная стабильность политического и экономического характера обусловили превращение России в страну – реципиента миграционных процессов начала XXI в. [1, с. 5]. Прибывающие в нее мигранты стремятся организовать пространство своего бытия чаще всего путем образования этнических общин.

В настоящее время существующие общины мигрантских этнических сообществ можно представить как некоторую структуру, состоящую из условных частей, по-разному взаимодействующих между собой и внешним окружением, а именно:

– *старожилы общины* – члены общины, прожившие на данной территории более 7–10 лет и успешно адаптировавшиеся к внешним условиям общины; они представляют собой ядро общины диаспоры, являются хранителями ее традиций и основными производителями диаспорной идентичности;

– *недавние мигранты* – члены общины, прибывшие из территории (страны) исхода недавно, имеющие четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество, стремящиеся перенять нормы поведения местного сообщества и одновременно активно перенимающие диаспорную идентичность;

– *трудовые мигранты* – члены этнической группы общины, не включенные в сеть взаимопомощи общины и не имеющие це-

левых установок на интеграцию в местное сообщество; они являются носителями прагматической культуры, образуя собственные дискретные сети по образцу традиционных; предпочитают по возможности селиться среди своих соотечественников, в том числе и представителей первых двух групп, по традиционному образцу претендуют на их поддержку и поддержку функционеров НКО в решении своих проблем (впрочем, часто безуспешно); они не ориентированы на интеграцию в местное сообщество, хотя часто живут здесь практически на постоянной основе или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы России и возвращаются обратно, реализуя тем самым приспособительный сценарий.

Община имеет внутреннюю и внешнюю границы, каждая из которых выполняет собственные функции. *Внешняя этническая граница* по отношению к общине формируется в иноэтничной среде и обусловлена фактами, сюжетами истории и современности, тенденциями межэтнических отношений. Она определяет степень вмешательства иноэтничного элемента в культурную жизнь общины диаспоры. *Внутренняя этническая граница* формируется в среде самой диаспоры и, будучи фактически границей ядра общины, строится на основе этнических доминант, внутридиаспоральной комплиментарности как формы психологической поддержки в условиях иноэтничного окружения и этнической самоидентификации, как сознательного акта коллективного самоопределения, этнической традиции, как совокупности стереотипов и правил поведения [2, с. 190]. Между внешней и внутренней границей общины формируется буферная среда, как правило, из числа членов общины, которые находятся в некотором пограничном состоянии – это в основном члены семей в смешанных браках.

В качестве одного из определяющих признаков общины специалистами отмечается выраженная культурная идентификация членов этнической группы – в данном случае это наличие динамического процесса поиска точек соприкосновения и конструирование общей идентичности на основе уже имеющихся идентичностей.

Процесс конструирования общинной идентичности является сложным и длительным. Важным фактором, влияющим на ее динамику, является «ассимиляционная» способность этнической группы поглощать, растворяя в своей среде вновь прибывших. Однако существует предел поглощения, за которым нарушаются согласованные с местной средой процессы конструирования общинной идентичности – так проявляется сохранение стабильности группы как единого целого. Вновь прибывшие привносят в состав группы новые проблемы, интересы, целевые установки, нормы поведения. Возникают новые группы влияния [3]. Из числа представителей групп влияния, как правило, создаются НКО, выполняющие представительские функции общины и обеспечивающие ее функционирование как социально-политического субъекта социального сообщества.

Существование двух и более групп влияния внутри общины допускает сценарий ее раскола на две и более части. Причинами раскола могут служить несовпадение структур целевых картин, приоритетов идентичностей, желание

перераспределения сетевых (общедиаспорных) ресурсов. Однако наличие двух и более групп влияния в общине, ведущих конкурентную борьбу друг с другом, тем не менее в целом способствует интеграции и определению единой позиции в формировании универсальной идентичности и этнических групповых автостереотипов.

Важным показателем является интенсивность контактов со страной исхода и другими общинами диаспоры. Общины диаспоры формируют устойчивую социальную сеть в рамках принимающей страны, обеспечивая и поддерживая развитие друг друга и диаспору в целом. Узлы диаспоры, включающие некоторое множество общин, выступают коллекторами сетевых ресурсов, высвобождая (перераспределяя) их при необходимости.

Безусловно, интенсивность связей и их количество в разных этнических группах существенно различается. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что все этнические мигрантские группы формируют сеть горизонтальных связей внутри себя, первичными ячейками которой являются клановородственные группы, формирующие «первичную» орбиту коммуникаций для вновь прибывших. В основе этих первичных организаций лежит принцип личного доверия и кровного родства. Сетевая структура обеспечивает консолидацию ресурсов вокруг наиболее активной и экономически, политически и социально успешной группы влияния. Конфигурация и наполнение сетей происходит исходя из реальных условий, в которых развивается община.

Стремление общин создать традиционную иерархическую структуру управления, как правило, связано только с желанием заявить себя в качестве участника-игрока на социально-политическом (этнополитическом) поле, обеспечивающем реализацию групповых интересов на институциональном уровне (взаимоотношения с администрациями городов, государственными службами и органами). Особенно отчетливо это наблюдается сегодня, когда органы власти проявляют особое внимание к межнациональным отношениям; выделяются субсидии; становится возможным получение налоговых льгот национальными НКО [4].

На наш взгляд, наиболее приемлемой для целей анализа видится позиция Г. Шеффера [5], полагающего, что большинство диаспор выбирают стратегию общины как наиболее предпочтительную. Это означает, что индивиды адаптируются к новой среде, удовлетворяют свои потребности не сами по себе (индивидуально), а именно как члены общины. В данном случае важным становится не индивидуальный статус личности, а статус общины как таковой. При этом общины преследуют основную цель (миссию) – максимально эффективное приспособление к условиям новой культуры, и вытекающей из нее задачей становится создание социальных сетей, обеспечивающих это приспособление.

Одним из основных сценариев адаптации трудовых мигрантов является самосегрегация, в основе которой лежат, как правило, мотивационно-ценностные ориентации, связанные с прагматическим извлечением выгоды от нахождения на территории принимающей страны. С нашей точки зрения, одним из ключевых аспектов здесь является включение вновь прибывших мигрантов в социально экономическую сферу по двум основным направлениям: первое – это вклю-

чение в «этнический» бизнес, второе – в соответствии с правилами «разделенного» рынка – в качестве малооплачиваемой, дискриминируемой группы – принятие на малоквалифированную работу.

Для объяснения феномена этнического бизнеса следует использовать схему Уолдингера [6], выделяющего два важных аспекта:

– *структуру возможностей*, под которой следует понимать легальную систему трудоустройства и возможностей вхождения в местный рынок труда, включая в себя квалификацию рабочей силы и спрос на рынке труда;

– *специфические этнические стратегии и ресурсы*, на которые этнические группы могут положиться, чтобы разрешить проблемы интеграции и дискриминации; этнические ресурсы включают в себя социальные сети, солидарность, предпринимательские традиции, доступ к дешевой рабочей силе, знания о потребностях своей и иных этнических групп.

Важным для анализа является и исторический контекст.

В 1990-е годы Россия переживала экономический спад, на фоне которого наблюдался рост миграционных потоков. Россия превратилась в крупнейшую страну-реципиента. Среди приезжающих были представители различных этнических групп, разного уровня квалификации и образования. Фактически с середины 1990-х годов наблюдается феномен расколотого рынка, при котором высокооплачиваемые работники стремятся ограничить приток в свой сектор рынка дешевой «этнической» рабочей силы. За одну и ту же работу местное население получает больше, а мигрант – меньше. Таким образом, в соответствии со схемой Уолдингера структура возможностей на этом этапе оказалась весьма ограниченной. Однако в настоящее время у мигрантов появился еще один сегмент, требующий дополнительного изучения в рамках региональных особенностей – частное (индивидуальное) предпринимательство.

Тем не менее в современных условиях основной стратегией адаптации мигрантов стало включение в принимающее сообщество с опорой на собственные сетевые ресурсы этничности, на родственные связи. При этом, оказываясь погруженным в «свою» среду, трудовой мигрант не чувствует необходимости изменять свое поведение и восприятие мира. Он оказывается «не выключенным» из прошлой жизни, основной и часто единственной системы мировосприятия. Его сиюминутное восприятие культурных различий между ним и местным населением можно охарактеризовать как отрицание культурных различий и защита собственной культурной самобытности.

В этих условиях для недавних мигрантов, не обладающих достаточным социальным капиталом по сравнению с местным населением и интегрированными «старожилами», на начальном этапе включения наиболее значимыми являются групповые ресурсы (этничности, землячества). Анализ сетевых взаимодействий (трансфертов) в анклаве в целом подтвердил выводы исследовательской группы ИС РАН [7], где было выявлено, что основу взаимодействия составляет следующее: а) информация о трудоустройстве на новом месте; б) помощь советами и рекомендациями по решению конкретных проблем; в) помощь деньгами; г) помощь в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т.д. и в гораздо меньшей степени – помощь конкретными

делами (ухаживание за больными, личная помощь в оформлении документов и т.д.). Опрошено 200 респондентов по методике И.М. Кузнецова.

Сеть трансфертов является важным, а зачастую и единственным ресурсом, обеспечивающим успешную адаптацию мигранта на рынке труда. Большинству опрошенных такая система поиска и распределения рабочих мест кажется сама собой разумеющейся и никак не проблематизируется.

Воспринимаемые культурные отличия тесно переплетаются с социальным проблемами, практиками повседневной дискриминации, и на фоне обостренного чувства угрозы своей инаковости складывается эмоционально-психологическая солидарность «своих» против «чужих». Часто под «чужими» недавними иммигрантами понимается категория «все», «местные».

Относительно высокая степень конкуренции на рынке труда, низкий уровень толерантности способствует тому, что в целом складывается негативное отношение к мигрантам и каждому проступку недавно прибывшего придается этническая окраска. Информация о проступках, в том числе и в СМИ, сопровождается коннотацией: «они не хотят жить по нашим законам», из-за этого «страдают наши (местные) интересы». Неудачные попытки совместных с национально-культурными центрами акций приводятся в пример неспособности интеграции со стороны мигрантов, а не местных жителей. Готовность и способность местного населения к взаимной интеграции, как правило, даже не рассматривается, будь то статьи в СМИ или концепции национальной политики. Априорно предполагается, что усилия по интеграции должны исходить только от мигрантов.

Таким образом, в условиях проявления достаточно интенсивных негативных внешних факторов происходит «стягивание» этноконтактных зон, снижение интенсивности межгрупповых контактов и их значимости. Отношения принимающего сообщества с мигрантами, выталкиваемыми на периферию общественной, социальной и политической жизни, складываются предельно инструментально и включают в себя только минимум непосредственных контактов. В поле социального действия между мигрантами и принимающим населением остаются лишь «буферные точки» – люди либо небольшие группы людей, которые пользуются относительным доверием как с одной, так и с другой стороны. Это своего рода информационные «посредники», как правило, тесно включенные в теневую систему покупки-продажи разрешительных услуг, главной функцией которых является урегулирование отношений между группой (общиной) и лицами, действующими от имени местного населения (представители УВД, паспортных столов, торговой инспекции и т.д.).

Указанные тенденции приводят к тому, что символическая граница между группой недавних мигрантов и местным населением часто становится реальной «стеной». Отказ местного населения, органов власти от активного вмешательства в процесс интеграции под предлогами декларируемой этнокультурной толерантности, политики невмешательства в инокультурное и религиозное поле приводит к тому, что у недавнего мигранта оказывается порой единственная возможность восстановления / сохранения культурного и символического капитала – быть включенным в систему регенерации этнокультурных ценностей, происходящей внутри общины и с использованием социальных сетей обмена.

Библиографический список

1. *Кузнецов И.М., Мукомель В.И.* Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005.

2. *Аствацатурова М.* Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели // Диаспора. 2003. № 2. С. 190 .

3. *Мокин К.С.* Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2007.

4. *Лебедева Н.* Социальная психология аккультурации этнических групп: дис. … д-ра психолог. наук. М., 1997.

5. *Sheffer G.* Ethnic Diasporas: A Threat to Their Hosts? // International Migration and Security. (ed.) by Miron Weiner. Boulder, San Francisko, Oxford, 1993. P. 263–286.

6. *Waldinger R.* Through the Eye of Needle: Immigrants and Enterprise in New York's Garment Trades. New York & London: New York University Press, 1986.

7. Анализ сетевых связей и адаптационных потребностей этнокультурного анклава Московского мегаполиса (на примере азербайджанского этнокультурного анклава): аналит. отчет / рук. проекта В. Мукомель. М., 2004.

O.N. Mihaylova,
E.N. Fedina

The Indicative Dimension of the Public Capital in the Political Environment of Modern Industrial Cities

Public capital is considered as an indicator of level of trust and recognition, sensation of well-being, degree of mutual expectations and claims in relations between social actors.

Key words and word-combinations: public capital, social solidarity, forms of political participation.

Общественный капитал рассматривается в качестве оценочного индикатора уровня доверия и признания, ощущения благополучия, степени взаимных ожиданий и притязаний в отношениях между социальными акторами.

Ключевые слова и словосочетания: общественный капитал, социальная солидарность, формы политического участия.

УДК 32.019.52:316.334.3
ББК 66.3,13+60.561.3

О.Н. Михайлова,
Е.Н.Федина

ИНДИКАТИВНЫЙ СРЕЗ ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНВАЙРОНМЕНТЕ СОВРЕМЕННОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Неоднозначные тенденции регионализации социально-политического развития России обусловливают исследовательский интерес к проблеме определения роли агентов гражданского общества как субъектов политики. Особое значение в движении к социально ориентированному государству и развитому гражданскому обществу приобретает качество общественного капитала с точки